

Сегодня, 9 марта, исполняется 210 лет художнику и поэту Тарасу Шевченко.

Хочу предложить фрагмент из книги Ильченко «Петербургская осень», издания 1954 года. Челябинск. Для особо любознательных будет интересно сравнить текст перевода 1945 года и более ранних, где работа переводчиков весьма формальна.

Интересно прочесть с точки зрения шахматного композитора. Все мы художники. Разновеликие, но проживающие свою собственную творческую жизнь. Как Шевченко отдаёт всего себя, чтобы выразить чувства свои в полотно и в строку. Выплеснуть боль свою. Рассказать посредством искусства и любовь, и горечь. Через это и познаётся мир, вселенная... Прочтите, не пожалеете. Качество и ваших произведений умножится стократно! На крайний случай прикоснуться к великим не бесполезно...

«Восковые свечи, связанные в пучок, горели с треском и дымом. Пламя трепетало от дыхания. Рука художника дрожала. На девяти свечах была плотная бумажная воронка чтоб расплавленный воск не обжигал пальцев. Сползая с локтя, мешал работать рваный рукав чистой рубахи.

Мягкие тени округляли широкую лысину, потемневшую от копоти свечей. Огонь отливал золотом в светлых прищуренных глазах, играл на тубах с масляными красками, на зажатой в тисочки медной доске, покрытой чёрным лаком.

Художник коптил загрунтованную для гравюры красную медь. Следил чтобы пламя касалось металла лишь подвижным языком, подальше от фитилей. В думках витал далеко... Тяжело дышал. Быть может, от копоти, от сырости, от волнения... Ноздри широкого носа раздувались. Покусывал седой ус и что-то шептал.

Дым клубился над пламенем, окутывая неверно и мягко всё вокруг. Выедая очи, гнал слезу. И всё дрожало, играло, искрилось, плыло, и Тарас уже видел то, чего не было перед ним, то, что хотелось видеть: головку милой сердцу девушки, склонённую в тоске... жаркий нимб волос... меднорусую прядь, лежащую на узкой руке, огрубевшей от тяжёлой работы... слезу на ресницах. Он видел это, и пальцы тянулись к отточенному штихелю, чтобы поскорее врезать в металл дорогие черты. Но ещё не была готова медная доска, слой копоти лежал неровно, и надо было ещё повозиться.

Едва дождавшись, когда блестящая чёрная поверхность станет матовой, художник, обжигая пальцы, схватил раскалённую доску, занёс было резец, но ясное видение погасло. Художнику помешало нахлынувшее чувство, и рука, теряя силу мастерства, тяжело упала на стол.

Видение померкло, но Тарас ещё видел слезу, самоцветно дрожащую в пламени. Он знал, почему плачет Марина, знал, и сейчас мог думать только об этом. Отшвырнув прочь звонкую офортную доску, он схватил карандаш. Бумаги под рукой не оказалось, и Шевченко писал, писал на чём попало...

.....

Отирая со лба пот, он, взбудораженный какой-то мыслью, сокрушённо взглянул на следы копоти, оставшиеся на белом рукаве. Потом, задумавшись, смотрел в тёмное окно. Дрожали губы. Прихлынуло и всего захватило острое чувство. Это была ненависть. Поэт взглянул на стенку, исписанную карандашом, на гневные свои слова, дунул на связанные шпагатом свечи. За окном начинался рассвет. Серый и влажный рассвет петербургской осени.»